

Борис Захаров

Хутора обычно возникали на Руси в ходе освоения новых земель. В Петербурге хутор называли мызой, в Сибири - заимкой, во Франции - фермой. Кусок земли, дом, хозяйство, которое вела отдельно взятая семья, опираясь лишь на собственные силы. Трудно было содержать хутор. Из транспорта в то время была только лошадка. А ей надо было много сена накосить. Да ещё нужны были дороги, а их тогда и вовсе не было. О хуторах земли артемовской наша газета уже писала, мы рассказывали о четырёх хозяйствах - Патюкова, Крапоткина, Компаниенко и Дегтярёвых. А про хутора Орлова и Ходасевича писали ещё раньше. Но были хутора и рядом с Ходасевичем, и в других местах на территории Артёма. Можно насчитать десятка полтора хуторских поселений на территории АГО, а то и больше. Почему исчезали они с нашей земли? Хочется, чтобы эти маленькие населённые пункты не стирались хотя бы из нашей памяти.

ШАРЕНБЕРГ И СОЛОВЬИ

Братья Ходасевичи имели тесные родственные связи с семьёй Моничей: Мария и Стефанида были жёнами Игната и Григория, их сестра Ева Ходасевич была замужем за Терентием Филипповичем Моничем. Кузьма Алексеевич Монич, младший брат Марии и Стефаниды, приехавший на Дальний Восток вместе с Игнатом Ходасевичем, был, как выяснил из документов Юрий Тарасов, поручителем на свадьбе Григория и Стефаниды 28 сентября 1908 года. Он и сам проживал со своей женой на хуторе Ходасевича где-то до 1921 года, а может, и более.

Имя Терентия Монича появилось в метриках Угловской церкви в 1920 году, когда он и члены его семьи приехали сюда из Сучана, где жили около десяти лет. Дмитрий Лукич Тулупов вспоминал, что усадьба Терентия Филипповича располагалась возле нынешней автобусной остановки "Ф. Пианино" (фото 1). Наверно, он хотел жить рядом с родственниками, потому и выкупил участок у некоего Андреева, примыкавший с юга к хутору Ходасевича (фото 2). А с юго-запада от Ходасевичей обособился Лев Николаевич фон Шаренберг-Шарлемер.

Этот прибалтийский немец-дворянин, подобно Г.З. Ходасевичу, участвовал в русско-японской войне 1904-1905 годов, тоже был георгиевским кавалером. На Дальний Восток попал из Ревеля, из Лифляндии (теперь это Таллин в Эстонии), и, с детства мечтая заниматься сельским хозяйством, устроился садовником в порт Владивостока, где работал и до, и после войны. Но заработок садовника не позволял купить землю, и дворянин Лев Шаренберг в 1909 году ушёл на золотые прииски. За два года он там накопил нужную сумму и в 1912 году приобрёл 49 десятин на 8-й версте, выше по течению ручья Зыбунный Ключ. Этот хутор существовал до конца 20-х годов.

Сюда к Шаренбергу приезжали из Владивостока жена с сыном. Известно, что 14 января 1916 года у супругов Шаренберг родилась дочь Ариадна, при крещении которой присутствовал Иван Фёдорович Соловей.

Иван и его брат Прокопий

ПЯТАКИ ДИКОЙ ЗЕМЛИ

Фото 1

тоже имели хутора - к западу от Ходасевича и Шаренберга на 7-й и 8-й версте Сучанской железной дороги. Иван Соловей имел на правах аренды 100 десятин, Прокопий чуть больше. Он к обществу соседних кневичанских крестьян приписался в 1913 году, на год раньше брата. Обронные статьи Зыбунная 1 и Зыбунная 2 - так значились их участки на территории Кневичанской волости.

По рассказам дочери Ходасевича именно судно купца Ивана Соловья спасло Григория Захаровича после гибели эсминца "Страшный" в бою в шестью японскими кораблями возле Порт-Артура. Мы об этом уже писали. Но есть и другая версия, что подобрали его из моря японцы, и пришлось после страшного боя покалеченному матросу пройти через плен, а уж потом лечиться в госпитале и заново учиться ходить. Как бы ни было, но оба участника русско-японской войны, два георгиевских кавалера стали на нашей земле соседями.

Иван Фёдорович занимался не только хутором: в 1919 году он числился рыботорговцем Владивостока. Можно себе представить, каково ему было: в это время нашу землю топтали интервенты. Жена соседа, Григория Захаровича Ходасевича, была свидетельницей расправы японцев над матросами из Владивостока, что стало следствием её болезни и смерти.

БУРЕНОК НА ХУТОР УШЛА ИЗ КРОЛЕВЦА

Историю Буренка рассказал первопоселенец Фёдор Гавриленко своему сыну Фёдору. Эта трагедия показывает нравы наших первопоселенцев. Не нам их судить. Нам - помнить и делать выводы...

Интересно, что на схеме домов Кролевца тех времён можно увидеть одну мельницу, одну школу, одну торговую точку - лавку, зато кабаков сразу два - Максима Шелемеха и Антона Ковалева, да ресторан, которым владел Кузенок. Из кабака Шелемеха и шли тогда немного выпившие, но не потерявшие ориентировки Константин Ковбаса и его друг. У дома Михаила Лизуна они насторожились, услышав подозрительный шум. Увидев три тени, поняли, что тати пы-

таются в темноте вскрыть конюшню, и сбегали за ружьями. Когда вернулись, "тени" уже выводили жеребца. Друзья закричали, стреляя в воздух. Выскочил на шум Лизун. Два вора сбежали, третьего они поймали, а узнав его, были поражены: Лаврентий Буренок! Тот самый, отец которого, Егор Васильевич, бывал в этих местах ещё в 1882-1883 годах, а сам Лаврентий Егорович числился в списке основателей деревни Майхэ в мае-июне 1883 года. Многодетный семьянин: жена Агафья, дети Василий, Кирилл, Иван, Анна и Вера. Член общины и - конокрад! Что с ним делать?

Староста Максим Николаевич Кузенок решил судить его крестьянским судом, состоящим из пяти судей. Народ собрался на площади у церкви, пришли и родственники из Майхэ и Суражевки с оружием в руках. Их предупредили: если будете мстить, получите возмездие. Приговор был суров, но с точки зрения крестьян, справедлив. С ним согласились все. Лаврентия собирались привязать за ноги к упряжке, и жеребец должен был протаскать его волоком по Царской (Мухинской) улице. Останется жив - может вернуться в семью...

Конец ясен: в церковной метрической книге записано: "24 апреля 1908 года убит Буренок Лаврентий Егорович, 36 лет".

Агафье Савельевне жить в селе стало невыносимо: как смотреть людям в глаза? Да и соседи не могли относиться к ней по-доброму. Спасло её то, что началось выделение земли под хутора. 31 июля 1910 года она подала прошение, и с 1912 года появился на карте и в документах хутор Буренковой.

Место его - Сан-Пауза. Это Кролевецкое озеро и две речушки - Пушкарёвка да Ивнянка, впадающие в него.

В том же году сын Василий женился на Татьяне Потаповне Гавриленко, на хуторе стали

проживать две семьи. 17 января 1916 года Агафья Савельевну скосил туберкулёз, и хутор потерял фамильное название: теперь это был просто хутор № 1. В июне 1915 года на нём ещё значились 5 мужчин и 5 женщин, хутор ещё существовал 7 января 1918 года: сохранилась запись о женитьбе второго сына, Кирилла. А дальше - загадка. Возможно, судьбу поселения решил бандитизм, разыгравшийся в годы гражданской войны. Тогда в верховьях Сан-Паузы и в Широкой пади исчезали и другие хутора...

Документы говорят, что в те далёкие времена пытался образовать нечто вроде хутора по

Фото 2

соседству со своей деревней Майхэ Дмитрий Фёдорович Чирок (в Кролевце числились дома троих Чирков). Намеревались "колонизировать" пустующие земли Артёма в долине Батальняны и братья Арзамасовы, а Мамонтов предъявлял свои права на 50 десятин там, где теперь Олений.

СУХАНОВКА: ДАЧА ИЛИ ДЕРЕВНЯ?

Хотя дача - не хутор, но об одной из них надо бы вспомнить.

К востоку от нынешней "Трикотажи" в сторону Силинского примерно до 1950-х годов располагалась деревня Сухановка. Там даже в 30-е годы находился на берегу Уссурийского залива военный аэродром.

В историко-краеведческом музее АГО хранится малень-

кая записная книжка участника Великой Отечественной войны, стрелка-радиста Александра Суханова. Будучи мальчишкой, он сам смастерил телескоп и показывал звёзды прохожим в сквере Владивостока. После войны преподавал астрономию, стал кандидатом наук. Побеседовать с ним довелось в 1997 году, тогда книжечка эта и была у него "конфискована". Александр Григорьевич вспоминал, что у его деда, Александра Васильевича, в Посьете и в районе Артёма были дачи, которыми он пользовался при дальних поездках по краю. А отец, Григорий Александрович, биолог, окончивший Казанский университет, создал в Шкотово подсобное хозяйство для строителей АртёмГРЭС.

Самый знаменитый Суханов, Константин, младший брат Григория, с ноября 1917 года был председателем Совета депутатов Владивостока, где его именем названа улица. Его знают земляки. Отца же братьев, имевшего отношение и к истории Артёма, знают плохо. А он в 1891 году занимался образованием селения Углого, летом 1895 года, решая вопросы переселения крестьян, имел отношение к основанию Кролевца и Кневичей. Александр Васильевич Суханов был чиновником крупного масштаба. Трезво мыслящий, умный и честный, он быстро продвигался по службе, занимал должность вице-губернатора Приморской области. Ему оставалось получить звание действительного статского советника, а вместе с ним и потомственное дворянство. Но подвёл сын Костя, которого 31 октября 1916 года арестовали за революционную деятельность. Отец подал в отставку и стал работать редактором журнала "Приморский хозяин".

Десять детей было у его старшего сына Григория: моряк Михаил; танкист Святослав, погибший на фронте; Татьяна, геолог с Угловой, начальник ГРП в Артёме, нашедшая индий, повышающий износостойчивость осей турбин;

Александр Григорьевич, о котором уже было сказано. Он родился в июне 1921 года, а в июле Суханов-старший поехал в Шкотово на крестины своего внука и тёзки, где у Григория была дача. На извилистой дороге лошадь испугалась, понесла и сорвалась в крутой обрыв. Наверно, это был "тёщин" язык...

А Сухановка? В 1917 году её ещё не было, а 11 августа 1922 года есть запись по поводу крещения Ольги, дочери В.Ф. Завертанного, "гражданина деревни Сухановка Кневичанской волости". Это была одна из дач Александра Васильевича, из которой образовали деревню после гибели Суханова-деда.

Эту дачу посещала жившая в Артёме его старшая дочь Анна. Кстати, она в 1898 году вышла замуж за Леонида Николаевича Левицкого. В Артёме семья Левицких поселилась в 1930 году, переехав из Шкотово.

Тут пересеклись судьбы двух известных в Артёме фамилий - Сухановых и Левицких. Но это уже другая история.